

Духовные корни революционного террора в повести Б. В. Савинкова «Конь бледный»

Среди многих художественно-философских сочинений начала XX века особое внимание привлекают к себе произведения Б. В. Савинкова – революционера, политического деятеля и писателя (литературный псевдоним В. Ропшин). Будучи одним из руководителей террористической «Боевой организации» эсеров, Савинков сумел «дать взгляд на революционное дело» не только «извне, а изнутри»¹. Разочарование в жизни, переходящее в открытое отчаяние, запечатлены в его повестях «Конь бледный» (1909), «Конь вороной» (1923); романе «То, чего не было» (1912).

Несмотря на внешнюю простоту фабулы, написанная в форме дневниковых записей повесть «Конь бледный» представляет собой философско-эстетическое размышление автора о смысле жизни. В основу повествования положен реальный исторический факт: убийство великого князя Сергея Александровича, совершенное И. Каляевым под руководством самого Савинкова. Однако, начиная с 1903 года (рассказ «В сумерках»), литературное творчество писателя находится в некотором противоречии с его революционно-террористической деятельностью. В своих книгах Савинков подвергает сомнению не только террористические средства к достижению целей революции, но и ее смысл как таковой.

На протяжении повести «Конь бледный» рассказчик, действующий под псевдонимом Джорджа О'Бриена, или Жоржа, дает подробные психологические портреты себя и остальных членов террористической ячейки. Его холодный рассудок отчаянно пытается не просто понять причины, побудившие других пойти в террор, но прочувствовать эти причины, найти их внутри собственного сердца.

Так, Федором – кузнецом с Пресни – движет чувство мести за убитую казаками любимую женщину. Он ненавидит господ, полагая, что высшей «правды на свете»² можно достичь, лишь ударив по всем ним бомбой.

Бывший студент Генрих пошел в террор ради победы социализма. По наблюдению повествователя, для него «мир, как азбука, прост. На одной стороне рабы, на другой – владыки. <...> Хорошо, когда убивает раб. Дурно, когда убивают раба. Будет день, рабы победят. Тогда, – рай и благовест на земле: все равны, все сыты и все свободны». В этом рассуждении обнажаются еретические хилиастические корни утопического социализма.

Однако, с точки зрения еще одного члена террористической ячейки – ссыльного Вани, подобная материалистическая мечта слишком примитивна. «Это <...> все для Марфы, а что для Марии?» – данным вопросом евангельская проблематика в повествовании углубляется. «Мало еще, чтобы люди были свободны, мало еще, чтобы с голоду дети не умирали, чтобы матери слезами не обливались. Нужно еще, нужно, чтобы люди друг друга любили, чтобы Бог был с ними и в них. Про Бога-то, про любовь-то забыли». В речи Вани не только слышатся интонации героев Достоевского, но и вновь звучит идея русского народа как народа-«богоносца»: «наш народ, народ Божий, в нем любовь, с ним Христос. Наше слово –

¹ Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. V. Издание второе, исправленное, дополненное. М.: Христианская литература, 2003. С. 11.

² Савинков Б. В. Конь бледный [Электронный ресурс] // Lib.ru: «Классика»: [Электронная библиотека]. Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0020.shtml (дата обращения: 18.10.2016). Далее произведение цитируется по этому электронному изданию.

воскресшее слово». Ваня действует во имя грядущей революции: «крестьянской, христианской, Христовой». Для него есть только два пути: «один, – все позволено<...> И тогда – Смердяков <...> другой путь, – путь Христов». Но герой по-своему понимает учение Спасителя, извращенно толкуя Евангелие. «Если любишь, много, по-настоящему любишь, то и убить тогда можно»: «убий, чтобы не убивали. Убий, чтобы люди по-Божьи жили, чтобы любовь осветила мир». В евангельских строках «нет больше той любви, как если за други своя положить душу свою», Ваня видит прямой призыв – «не жизнь отдать, а душу <...> нужно крестную муку принять, нужно из любви, для любви на все решиться».

Подобное понимание христианской любви нашло широкое распространение в литературно-философских кругах начала XX века. Л. Н. Андреев, А. М. Ремизов, позже Ю. М. Нагибин, пытались оправдать поступок Иуды, изобразив акт предательства как неумолимый и исторически предопределенный факт. Иуда здесь становится символом сильной личности, способной на поступок и готовой из любви, ради любви, погубить собственную душу. В подтверждение такого толкования авторы используют евангельские строки: *«ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Матф. 16:25)*, – получившие совершенно иной смысл в новом контексте.

Убив генерала-губернатора, Ваня понимает, что совершил «тягчайший грех против людей и Бога», однако надеется на милосердие Божие, которое, по его убеждению, «не имеет границ». «Если крест тяжел, – возьми его. Если грех велик, – прими его, – призывает герой. – А Господь пожалеет тебя и простит». Облеченные в подчеркнута простую, близкую к народной речи форму, мысли Вани становятся воплощением чрезвычайно популярного гностического учения, распространившегося во всех слоях общества в период серебряного века.

В классической русской литературе писатели православного направления не шли на столь дерзкое истолкование евангельских текстов. Так, герой Достоевского Мармеладов, тоже верующий в божественное всепрощение, полагает, что его дочь Соня будет помилована – подобно библейской блуднице – именно за свою любовь. Продавшая себя ради чахоточной мачехи и ее детей, Соня должна получить прощение грехов «за то, что возлюбила много...»³, *«а кому мало прощается, тот мало любит» (Лук. 7:47)*, – находим мы подтверждение в евангелии от Луки.

Размышляя, в чем же разница между Ваней, который верит во Христа, и неверующим Федором, Жорж со смехом понимает, что, в конечном счете, различия нет: «Оба убьют. Обоих повесят. Обоих забудут. Разница не в делах, а в словах».

Рассказчик четко осознает мотивы других членов организации, побудившие их пойти в террор, однако, не способен найти объяснения, почему же сам он здесь. «Счастлив, кто верит в воскресение Христа, в воскрешение Лазаря. Счастлив также, кто верит в социализм, в грядущий рай на земле. Но мне смешны эти старые сказки, и 15 десятин разделенной земли меня не прельщают. Я сказал: я не хочу быть рабом. Неужели в этом моя свобода... И зачем мне она? Во имя чего я иду на убийство?» – подобными вопросами он задается на протяжении всего повествования. Отказываясь быть рабом человека или рабом Божьим, провозглашая абсолютную свободу, Джордж отрицает обоснованность любых правовых и нравственных законов. «Говорят, нельзя убивать. Говорят еще, что министра можно убить, а революционера нельзя. Говорят и наоборот. Я не знаю, почему нельзя убивать<...> Почему для террора убить – хорошо, для отечества – нужно, а для себя – невозможно? Кто мне ответит?» Данные вопросы становятся ключевыми в повествовании: это та область, с

³ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 6 – 1973. С. 21.

которой рано или поздно сталкивается любой человек – вопросы, на которые невозможно получить удовлетворительного ответа, основываясь исключительно на гуманистических идеалах.

Не разделяя веры ни Вани, ни Генриха, повествователь видит только два возможных пути: новозаветный «не убий» – и тогда он и все его окружение вне закона, или ветхозаветный «око за око и зуб за зуб» – и тогда сегодняшнего убийцу завтра могут назвать героем, ибо «нету грани, нету различия». «Я не верую в рай на земле, не верую в рай на небе, – признается Жорж. – Я не хочу быть рабом, даже рабом свободным. Вся моя жизнь – борьба. Я не могу не бороться. Но во имя чего я борюсь, – не знаю. Я так хочу. И я пью вино цельное».

Некоторое время повествователю близко мировоззрение саддукеев: «Да разве есть на свете любовь? Разве Христос воистину воскрес в третий день? Все это слова...» Он пытается обрести смысл жизни в чувственных удовольствиях, к которым, с его точки зрения, относится и любовь. Однако, даже самая сильная страсть оставляет в душе Жоржа лишь привкус тлена: «Все прошло. Был огонь, теперь тает дым», «Вот пришла женщина и принесла с собой любовь и милую ласку. Почему эта ласка рождает горе? Почему любовь дает не радость, а муку? Я не знаю, я не могу и не пытаюсь узнать».

Влюбленность в замужнюю Елену разжигает в повествователе мучительную ревность: «Гнев душит меня. Я говорю себе: его и моя, моя и его. И его, и его, и его. <...> Я не могу делиться любовью. Я не могу целовать, если целует другой». Елена же, размышляя о свободе и запретах, пересказывает Жоржу его собственные прежние мысли: «Почему люди пишут разные буквы, из букв слагают слова, из слов – законы? <...> Нельзя жить, нельзя любить, нельзя думать. На каждый день есть запрет... <...> Почему я должна любить одного? <...> В счастье нету греха. В поцелуях нету обмана». Но теперь герой ощущает в подобной логике лишь ложь.

«Ваня искал Христа, Елена ищет свободу. Мне все равно: пусть Христос, пусть Антихрист, пусть Дионис. Я не ищу ничего. Я люблю. И в моей любви мое право», – размышляя таким образом, Джордж приходит к выводу не только о возможности совершения убийства из личных мотивов, «для себя», но и о его правомерности. «До сих пор я имел оправдание: я убиваю во имя террора, для революции. Те, что топили японцев, знали, как я: смерть нужна для России. Но вот я убил для себя. Я захотел и убил. Кто судья? Кто осудит меня? Кто оправдает?».

Несмотря на продуманную теорию, избавившись от соперника, рассказчик не обретает желаемого счастья: «Я спрашиваю себя: зачем я убил? Чего я смертью добился? Да, я верил: можно убить. А теперь мне грустно: я убил не только его», «будто мой разбойничий выстрел выжег любовь, <...> проклят мир и опустел для меня в один час: все ложь и суета»⁴.

На страницах повести Савинков вновь затрагивает поставленную Достоевским проблему преступления и наказания, но решает ее иначе – не по-христиански. Жорж как будто заново озвучивает монолог Раскольникова: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут-таки разом и ухлопал себя, навеки!...»⁵.

Вслед за Достоевским Савинков включает в сюжетную канву и выдержки из Евангелия, затрагивающие вопросы смерти и вечной жизни. Помимо рассказа о четверодневном

⁴ Оценка мира как лжи и суеты указывает на еще один ветхозаветный источник террористического сознания героя, в данном случае переключаясь с «Книгой Екклесиаста»: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа!» (Книга Екклесиаста или Проповедника [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://days.pravoslavie.ru/bible/b_ekkl.htm (дата обращения: 23.10.16)).

⁵ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. С. 322.

Лазаре писатель от лица Вани также пересказывает встречу Марии с воскресшим Христом и эпизод уверения Фомы. Однако, данные вставки не имеют влияния на мировоззрение повествователя. Жорж многократно цитирует места из Апокалипсиса, веруя лишь в конечное торжество смерти. «К чему мне слова о грехе? Я могу сказать про себя: “Я взглянул, и вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть”. Где ступает ногой этот конь, там вянет трава, а где вянет трава, там нет жизни, значит, нет и закона. Ибо смерть – не закон». «Нет любви, нет мира, нет жизни. Есть только смерть. Смерть – венец и смерть – терновый венок».

Жизнь без цели и без правил становится для него невыносимо скучной, утрачивает какой бы то ни было смысл: «Однозвучно тянутся дни, недели, годы. Сегодня, как завтра и вчера, как сегодня. <...> Та же любовь, та же смерть. <...> Нет черты, нет конца и начала. Водевиль или драма? Клюквенный сок или кровь? Балаган или жизнь? Я не знаю. Кто знает?»

Образ дешевого кукольного театра, подменившего собой настоящую жизнь, перекликается со стихотворением А. А. Блока «Балаганчик» (1905) и его одноименной драмой (1906). По наблюдению К. В. Мочульского, здесь «тема гибели преломлена в призме “романтической иронии”. Всё на свете – игра, мир – кукольный театр, люди – паяцы; их страдания, страсти, сама их гибель – бутафорские. Это <...> марионетки в картонных шлемах, с клюквенным соком в жилах»⁶:

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей – картонный шлем!
А в руке – деревянный меч!»

Не веря в воскресение Христа, в возможность вечной жизни, а вместе с ней и вечного наказания, Жорж размышляет о смерти как об избавлении. «Я не люблю и не знаю Бога. <...> Пусть Христос зажжет Словом свет. Мне не нужно тихого света. Пусть любовь спасет мир. Мне не нужно любви. Я один. Я уйду из скучного балагана». Добровольный уход из опостылевшей жизни становится единственным выходом, доступным гордому сознанию героя: «Сегодня ясный, задумчивый день. Нева сверкает на солнце. <...> Грустно плещет волна. Никнут ели. Пахнет смолой. Когда звезды зажгутся, упадет осенняя ночь, я скажу мое последнее слово: мой револьвер со мною».

В сравнительно небольшой повести Савенков сумел последовательно показать, какую цену человек должен заплатить за абсолютную свободу. Отрицание всякого закона в конечном счете приводит рассказчика к отрицанию закона самой жизни и, как следствие, к утверждению смерти. Не случайно в качестве заглавия и эпиграфа к произведению автор выбирает апокалипсический образ, вырывая его из жизнеутверждающего евангельского благовестия: «... *И вот конь бледный и на нем всадник, которому имя “смерть”*; и ад следовал за ним...» (Откр. 6:8).

⁶ Мочульский К. В. Александр Блок [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/read/mochulskiy_konstantin/aleksandr_blok.html#450437 (дата обращения: 18.07.16).

